

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII-XVII ВВ.

Гоар Карагезян

Кандидат филологических наук

Институт литературы им. Манука Абебяна НАН РА

Эл. почта - karapetyan.ruben.s@gmail.com

Статья представлена 07.04.2019, рецензирована 08.10.2019, принята к публикации 06.12.2019

Вступление

Нахичеванский край на протяжении ряда веков подвергался тяжёлым испытаниям. Одни завоеватели сменялись другими, одна власть вытесняла другую, одни уходили с исторической арены, другие приходили. Помимо политико-экономической и этнической экспансии каждая вновь пришедшая власть проводила культурную экспансию, что приводило к нивелированию национальных и культурных ценностей автохтонного населения и навязыванию покоренному народу своего вероисповедания, своих традиций, норм и обычаев. Прежде всего проводилась политика омусульманивания населения, подавления христианства и выдавливания христианского элемента. Одни вынуждены были, в силу сложившихся условий, покинуть родные пределы, других сгоняли с обжитых мест насильно, сжигая их дома и грабя их имущество. Однако Нахичеван, непрерывно опустошаясь, вновь населялся армянами. Это было не чем иным, как зовом земли, психологией оседлого народа, привязанного к земле своих предков, и, соответственно, к своим корням и традициям. Возвращаясь на прародину своих отцов, армяне пытались воссоздать разрушенный мир: восстанавливали церкви, строили дома, занимались земледельческой и торговой деятельностью. Пытаясь как-то противостоять омусульманиванию, часть их перешла в лоно католической церкви, обретя, как им казалось, защитника в лице Римской церкви. Усилиями армян-католиков были созданы духовные, учебные и научные центры. Все это и многое другое не осталось незамеченным европейскими путешественниками. Их травелоги содержат богатый историко-литературный материал о стране и народе, тем самым являясь важным источником сведений по Армении.

Образ Нахичевана и области

Образ Нахичевана и области складывается из достаточно разнообразных элементов, составляющих его структуру: помимо культурной составляющей, он включает в себя компоненты географического, исторического и этнического характера. Нельзя не согласиться с И. Сидорской в том, что "понятие страны имеет более емкое культурно-историческое, социально-экономическое содержание, нежели политическое..."¹. Иными словами, термин "государство", как правило, употребляется в значении "власть". В понятие же страны входит целый комплекс составных характеристик: исторической, географической, этнической, культурной, конфессиональной, хозяйственно-экономической.

При изучении записок путешественников следует разграничить восприятие страны автохтонным населением, в пределах страны, и её восприятие извне. Одна культура манифестировала свое видение, свой собственный миф, другая – продуцировала и воспроизводила свою образную картину страны. Образ страны глазами чужестранца, с одной стороны, формируется на основе информации, извлеченной из среды, в которую погружается путешественник – соответственно, на основе локальных образов, источником которых является местная культурная традиция, с другой – на основе личных наблюдений и впечатлений, сложившихся по ходу путешествия. Вместе с тем значительную роль в создании образа играют так называемые предобразы путешествия, которые складываются на основе предшествующей литературы. Европейец направляется на Восток со своим "багажом", имея определенное представление о стране и народе, сформировавшееся на основе различных источников. Это записки путешественников, труды историков и географов, к которым он постоянно апеллирует в своей реляции. Эти интертекстуальные вкрапления – излюбленный прием многих авторов. Они будто ведут диалог с предшественниками и современниками, соглашаясь или опровергая приводимые ими данные. Находясь на границе двух миров, они словно проверяют существующие образы на прочность. Наслаивание этих предобразов приводит к созданию совокупности обкатанных временем представлений – коллективных гетеростереотипов, которые, в отличие от автостереотипов, более гомогенны. Однако земли, по которым путешественнику предстоит пройти, неод-

¹ Сидорская 2015, 4-5.

народны по этноконфессиональному составу. Соответственно и мифы, распространенные в изучаемом ареале, многоуровневые. На первом уровне существует объективная реальность – реальность фактов, на втором уровне существуют два мифа – миф о реальности, созданный автохтонным населением, и миф о реальности, созданный пришлым населением. Последние стремились маркировать завоеванную территорию как свою, и с помощью этого маркирования легитимировать свое присутствие на этом пространстве. Они не только переименовывали название областей, городов, рек и гор, не только возводили мечети, разрушая церкви или превращая их в склады и конюшни, но и конструировали мифы, которые зачастую подстраивались под определенный национальный контекст. Мифы помогали адаптироваться к существующей действительности, ощутить оправданную принадлежность к данному миру. Нахичеван предстал перед путешественниками как средоточие разных культурных традиций. Он имел уходящую в глубь веков историю, живыми свидетелями которой являлись памятники культуры разных эпох. Эти разные цивилизации соседствовали и сосуществовали. Церковь уживалась с мечетью. Что касается армянского мира, то он охватывал как прошлое, так и настоящее. Армянское население, вопреки гонениям, являясь автохтонным, продолжало жить и сохранять традиции на земле своих предков. Церкви возводились в прошлом, строились и восстанавливались в настоящем. Легенды и предания не только не исчезали, но и пополнялись на традиционной основе новыми сюжетами. Поскольку в каждую эпоху наряду с существующим набором сюжетов по Нахичевану рождались новые образы и легенды, соответственно и цикл этих легенд представлял собой не "законченный замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство, "подключенное" к другим текстам, другим кодам"². Эти разновременные легенды исправно регистрировались путешественниками, что дало возможность сохранить и пополнить фонд легенд и преданий по Нахичевану. *"Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения"*³. Печать армянства была повсюду: начиная от армянских сел Нахичевана, жилых построек, церквей, монастырей, мостов, кладбищ, хачкаров, кончая хозяйственно-экономической деятельностью. И,

² Барт 1989, 424.

³ Блок 1986, 39.

разумеется, маркерами этнического пространства были язык, религия, традиции, обряды, а также фольклор, ставший увековечивающим историческую память "хранилищем". В отличие от других маркеров этничности он был неискореним. Если церкви можно разрушить, а по нынешним временам и взорвать, если народ – носителя языка и традиций, можно насильственным образом выдворить с обжитых земель, сравнять с землей кладбища, то легенды и предания, закрепленные в письменных памятниках, невозможно уничтожить.

Что касается представленного путешественниками материала, то он в основном поставлялся информаторами, и во многом был обусловлен их интерпретацией. Поступающий устным путем материал частично видоизменялся, преподносился в так называемой "европейской редакции". Однако путешественник обладал не только способностью слышать, но и видеть. Сохраненная в памяти и зафиксированная письменно зрительная информация (визуальный образ) максимально приближена к действительности. Будучи наблюдателем и очевидцем армянских религиозных церемоний и обрядов, путешественник воссоздавал в своем травелоге порядок их проведения. В поле его зрения находились города и села, церкви и монастыри и хранящиеся здесь священные реликвии христианства, текстовое описание которых стало неизменным компонентом его нарратива. Зачастую путешественник увековечивал увиденное рисунком.

Темы, затронутые европейскими путешественниками по Нахичевану, крайне разнообразны. Образ Нахичеванского края в их травелогах множественен. Пространство ислама соседствует с пространством христианства. Наряду с этническим пространством очерчивается пространство социальное. С географическим пространством уживается пространство сакральное. Вместе с тем в изображаемом ими пространстве постоянно присутствуют и сосуществуют прошлое и настоящее, история и мифология разных культур и цивилизаций. Представления о Нахичеване и проживающем в нем армянском этносе складываются в определенные географические, политические, религиозные, исторические и мифологические образы. Эти образы разнообразны и разнородны. Каждая эпоха, наряду с ключевыми символами историко-географического и мифологического характера, продуцировала свои геокультурные образы: неприступная крепость Ернджак; завоеванные территории и города Нахичевана периода правления Шах-

Аббаса; участь выдворенного армянского населения; Джульфа – прошлое и настоящее; джульфинское кладбище; Астапат; Акулис и др. Однако наряду с ними бытовали устойчивые мотивы и образы, которые складывались на основе уже существующего архетипа и заключали в себе текст с множеством накопленных культурных смыслов. Своеобразной матрицей-основой формирования образа Нахичевана является толкование топонима *Нахчаван* – "первое поселение" или "место первой высадки", которое восходит к информации, представляемой фольклорной традицией. Реконструкция исходного текста почти неосуществима. Наиболее авторитетным источником является информация, введенная в научный обиход Иосифом Флавием, со слов местных жителей ("*Это место армяне называют "местом высадки" ["Апобактерион" (греч. Αποβατήριον)], и до сих пор еще туземцы показывают там остатки, сохранившиеся от ковчега*"). Однако трудно установить, насколько воспроизведенная еврейским историком информация отдалена от предтекста исторической дистанцией. Текст из прошлого, вкуче с рассказами, зафиксированными европейцами, а также в результате дублирования текстов других путешественников, становится константным сюжетным звеном рассказа о Нахичеване. Этот образ, выступая в травелогах как основополагающий, генерирует дополнительные образы. Вокруг библейского Ноя выстраивается образный ряд, в основе которого предания, связанные с местом "первой высадки" и основания Ноем города, с местами захоронения Ноя, его жены Ноемзар и сестры, могилы святых, сакральные места, связанные с событиями из жизни пророков, апостолов, христианских мучеников, церкви, возведенные в их честь, реликвии, чудодейственные родники, священные деревья. Возвышающаяся в Миджнашхаре двуглавая гора Арарат, на которой опочил ковчег, усиливала священный статус "*достопочтенного города Ноя...колыбели нашей истории, а возможно, и нашей цивилизации*"⁴. Сакральная энергетика, исходящая от Арарата, передавалась и расположенной вокруг него территории, тем самым происходило расширение границ сакрального пространства. Сакральное пространство, основы которого закладывались исстари, было представлено множеством сакральных мест. Границы этого пространства не были неизменными: священная территория вбирала в себя все новые освященные объекты – почитаемые места и культовые постройки, ко-

⁴ Dubois de Montpéroux 1840, 9.

торые, встраиваясь в структуру сакральной топографии, становились ее нерасторжимой частью. Таким образом, концепция сакрального пространства подвергалась значительным изменениям в духе времени, в силу чего и картина сакральной географии менялась в соответствии с циклическими периодами развития данной традиции. Так, Нахичеван, являясь знаком-символом территории, связанной с именем Ноя, в последующем репрезентируется и как духовный центр армянского католичества (*архиепископский город Нахичеван*). Представление о Нахичеване – месте высадки ковчега и основания города, дополнилось новым маркером сакральности – местом последнего упокоения Ноя. Могила Ноя приобрела статус сакральности, стала местом паломничества "как мусульман, так и христиан", убежденных в том, что если камень, приложенный к стене, прилипнет к ней, то их желания сбудутся⁵. Среди особо почитаемых сакральных локусов в границах Нахичевана были армянские церкви и монастыри, среди них "Магарда ванк" – "Монастырь первомученика Св. Степаноса" (монастырь Дарашамба). Тавернье объясняет выбор места для постройки монастыря тем, что в этом месте "укрывались от преследований Св. Матфей и Св. Варфоломей... здесь найдены принесенные Св. Варфоломеем и Св. Матфеем реликвии...". Тавернье приписывает Св. Матфею сотворение чуда: "он ударил жезлом о землю, и оттуда забил родник"⁶. Согласно рассказам путешественников, Нахичеван изобилует множеством священных родников – в их числе, расположенный близ Карабаклара "источник, струящийся из углубления в скале, высеченного Симом, сыном Ноя"⁷.

Что касается Ноя, то путешественники нет-нет, да и отмечают следы его пребывания в Нахичеване. Так, Беланже приводит занятное предание: Ной, упившись вином, приготовленным им из винограда сорта циссус, проклял виноградную лозу, которая перестала плодоносить⁸. Особое внимание путешественников привлекала расположенная в центральной части гавара Ернджак гора в форме сахарной головы, которая, подобно Арарату, также была окутана ореолом святости. Речь идет о символе края – Змеиной горе. Гора эта с раздвоенной вершиной напоминала по своей форме Арарат – Азат-Масис и подобно

⁵ Pfeiffer 2006, 310.

⁶ Tavernier 1713, 58-59.

⁷ Tavernier 1713, 52.

⁸ Belanger 1838, 269.

ей была священной горой для армян начиная с дохристианских времен. Эти две наделенные статусом сакральности горы были как бы молчаливыми свидетелями происходящих на протяжении столетий событий. В глубь веков уходят и связанные с ними легенды. Оцасар позиционировалась как священная гора во все времена. Согласно приведенному А. Никитиным преданию, *"Ноев ковчег, плывя, наткнулся ночью на эту гору. Удар оказался таким сильным, что гора разошлась на две части. Ной рассердился и проклял гору, заселив ее вишапами и змеями. Поэтому она и называется Оцасар"*⁹. По Гакстгаузену, *"Искандер [Александр Македонский] поселил на этой горе своих жен, и заколдованные змеи стерегут их"*¹⁰. Тавернье, де Монперё, Поль Лука пересказывают легенду о месте ежегодного сходбища змей у подножья Змеиной горы и об источниках, способных излечивать укушенных змеёй, и смертельных для змей. Морьер и Беланже приводят легенду о змеиных боях возле Змеиной горы, а Уильям Оусли вносит уточнение в сюжет легенды, отмечая, что змеи сражаются в обличи мужчин (*"Кух-э-Мар или "гора змей", где властвует огромное количество этих рептилий, которые ...сражаются в обличи мужчин"*¹¹), что вызывает ассоциации с драконородными Хоренаци.

Историко-географическая карта области была маркирована несколькими сакральными территориями. Народы же, населяющие область, были неоднородны по этноконфессиональному составу, следовательно, и историческая память у них была разная. Каждый народ конструировал свое священное пространство, наполняя его новыми символами и смыслами. Однако территория Нахичевана сакрализировалась не только его местным населением, но и побывавшими здесь европейцами, в частности, миссионерами, для которых особенной сакральной территорией были села армянских католиков. В них находились церкви их ордена, где служба проводилась по римскому обряду. При церквях, на армянских кладбищах были похоронены католические проповедники; в Нахичеване доминиканцами было создано архиепископство, впоследствии перенесенное в Абаранер. В центре внимания миссионеров была деятельность Варфоломея Болонского, епископа города Марага, архиепископа Султани. В 1330 году он из Мараги пе-

⁹ Ганалаян 1979, 57.

¹⁰ Ганалаян 1979, 58.

¹¹ Oustley 1825, 429.

реселился в Кырнайский монастырь. Варфоломей Болонский, этот "человек-апостол", как величают его путешественники, сыграл немало важную роль в распространении католического вероучения в области. По тексту "Путешествия на Восток преподобного отца Филиппа", *"Варфоломей Болонский основал епархию в Нахичеване, ... и с такой неусыпностью ходатайствовал за спасение душ, что в течение малого времени вся эта область, под названием Ернджак, была обращена в католичество, и дабы сохранилась наша вера в чистоте, он основал монастыри своего ордена"*¹². Де Фигероа восполняет пробелы в информации данными о преобразовании армянских апостольских церквей в католические: *"Он наряду с западными монахами ордена основал небольшую монашескую общину, их стараниями три-четыре небольшие [армянские апостольские] церкви были преобразованы [в католические]"*¹³. Путешественники единодушно связывали с его именем историю проникновения папской курии в область. Не осталась незамеченной и проделанная им значительная научная и переводческая работа: *"Он перевел с латыни на армянский много книг, среди них сочинения нашего Отца Св. Августина, а также труды Фомы Аквинского..."*¹⁴(де Гувеа).

Словом, для европейцев Варфоломей Болонский был фигурой культовой. Особенно для миссионеров, хотя и купцы, и дипломаты, и просто любители странствий встраивали в свой рассказ историю его миссионерской деятельности. Многие из них считали своим долгом посетить его могилу в Кырне, которая стала почитаемым святым местом.

Прошли годы и столетия со времен апостольской миссии Варфоломея. Картина края с тех пор достаточно изменилась. Научно-литературная и переводческая деятельность униторских кругов пошла не спад. Поредели села армянских католиков. Да и число армян-католиков значительно сократилось, что не могло не беспокоить путешественников. Данные об этих изменениях на протяжении столетий были зафиксированы в травелогах европейцев. Согласно И. Шопену, который основывается на информации Шардена, в XIV веке около двадцати селений, признавших папу, составляли здешнюю епархию. В записках путешественников в последующие века число селений варьиро-

¹² Père Philippe de la Très Sainte Trinité 1652, 91.

¹³ Figueroa 1667, 195.

¹⁴ António de Gouveia 1646, 368.

вал от семи до двенадцати. Так, в записках "Путешествия купца в Персию" (1511–1520 гг.) их было 12; Тавернье регистрирует 10 (около 1632 г.); Анри Десландес упоминает "8 или 10" (1664–1666 гг.); Де ла Круа отмечает "7 деревень" (1670–1679 гг.). Виллот пишет, что некогда было 10 обитателей, в пору же посещения им края (ок. 1696 г.) их число уменьшилось до 7. Наряду с этим некоторые путешественники передали картину конфессионального состава населения. Вся эта информация представляет значительную ценность в изучении этноконфессиональной структуры не только католического региона, но и всей Нахичеванской области.

Что касается отношения путешественников к вероисповеданию армян, то в этом вопросе их позиция неоднозначна. С одной стороны, они включают Армению в христианский мир, с другой – противопоставляют "свой христианский римско-католический мир" миру "христианскому не католическому". Таким образом, традиционная антитеза "свой – чужой" получает новое усложнение, которое сводится к формуле "свой – другой – чужой", где другими являются армяне-схизматики, а чужими – представители другой веры, магометане. Армян-католиков – "франкских армян", они воспринимают как своих, принадлежащих к приоритетным религиозным идентификаторам. "*Армяне области [Ернджак] другими армянами зовутся франками, что равнозначно европейским подданным*"¹⁵, – пишет Отец Филипп. Контарини называет их франкскими армянами (*Armeni franchi*)¹⁶, а Венценцо Александри – "*латинянами, которых персияне именуют франками*"¹⁷. Спустя два столетия Шопен отметил, что Абаранер называли в народе *Гех Франкоц* (село Франков). Относительно богослужения путешественники единогласно отмечали, что служба у армян-католиков велась на армянском ("*они отправляют службу и молятся на армянском языке, однако обряды у них латинские*"¹⁸ (де Гувеа); "*они придерживаются устава [ордена] Св. Бенедикта... совершают мессу по нашему обряду, на своем языке*"¹⁹ (Барбаро); "*Епископ их, армянской национальности, приверженец того же ордена, ему не позволено вступать в брак,*

¹⁵ Père Philippe de la Très Sainte Trinité, 1652, 91.

¹⁶ Библиотека иностранных писателей о России 1836, 146.

¹⁷ Vincenzo degli Alessandri 1844, 115.

¹⁸ António de Gouveia 1646, 376.

¹⁹ Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia 1545, 53.

он служит литургию, читает те же молитвы, что обычно читают в Европе представители этого же ордена"²⁰ (де Фигероа); "Они подчиняются папе и ими руководят доминиканские монахи их национальности.... время от времени в Рим отправляют детей, годных к обучению; они там изучают латынь и итальянский, а также необходимые для их профессии науки. В этой стороне насчитывается около 6 тысяч душ – всецело последователей Римской церкви... Архиепископ после избрания отправляется в Рим, где его утверждает Папа"²¹ (Тавернье); "Преподобные отцы отправляют службу Божью по Римскому обряду, но на армянском, с дозволения папского Престола" (Виллот)²²; "Эта небольшая паства живет праведно, она достаточно образована, и нет на всем Востоке лучше христиан, чем они"²³ (Турнефор). "Эта небольшая паства" была достаточно трудолюбива: она обеспечивала свое существование собственным трудом. Так, описывая села католиков, анонимный автор отмечает, что "они производят также в большом количестве краситель *cremesi*"²⁴. Отец Филипп сообщает, что армяне "занимаются не только просвещением душ истинной верой, но и вынуждены заниматься ручным трудом, чтобы прокормить себя и выплачивать подать, наложенную шахом Персии. Отправив обедню, они идут работать в поле"²⁵.

Особое место в травелогах путешественники уделяли описанию положения христиан, которые по словам де Гувеа "претерпевали и претерпевают вечные страдания, как под владычеством турок, так и персов... Число этих армян, которых называют франками, уменьшилось настолько, что мне кажется их не более тысячи"²⁶. Некоторые путешественники приводили факты убиения армян, не желавших принять ислам. Так, Сансон описывает казнь армянина, который на предложение шаха сделать выбор между смертью и принятием ислама, ответил, что "ничто его не заставит отречься от Ии-

²⁰ García de Silva y Figueroa 1667, 194.

²¹ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier 1676, 55.

²² Jacques Villotte 1714, 190.

²³ Tournefort, Pitton de 1718, 164.

²⁴ Viaggio d'un Mercante 1559, 87.

²⁵ Père Philippe de la Très Sainte 1652, 91.

²⁶ António de Gouveia 1646, 376.

суса Христа, который есть сама истина, чтобы последовать за лжепророком"²⁷.

Крайне тревожила путешественников политика омульманивания армян, чему способствовал закон **джадид-ул-ислам**, от 1621–1622 гг., подталкивающий христиан к вероотступничеству. Так, Пике в своем письме из Абаранера по поводу притеснений со стороны судей, которые, под угрозой лишиться христиан имущества, пытались обратить их в мусульманство, писал: "*Самый основной и жестокий гнет, который испытывают христиане в этой стране – это [последствие] злополучного закона Персии в пользу тех, которые настолько нечестивы, что могут отречься от Иисуса Христа, дабы стать наследниками и хозяевами имущества и земель их близких и дальних родственников (Джафара ас-Садик шестой имам, ввел этот скверный закон)*"²⁸.

"Злополучный закон Персии" наряду с жесткими податями, введенными местными властями, привел к сокращению числа последователей не только римской церкви, но и армянской апостольской. Тавернье с горечью пишет, что "*когда старцы ушли из жизни, молодые постепенно сделали мусульманами, и сегодня едва можно встретить двух армян христиан во всех этих прекрасных равнинах, куда для возделывания [земли] были высланы их отцы*"²⁹. Согласно путевым записям Шардена, армян-католиков, гонимых со стороны местных правителей, пыталась взять под свое попечительство римская церковь. С этой целью в 1664 году в Персию прибыл посланник папы с письмами от европейских государей, и в результате было достигнуто соглашение, по которому в селах католиков взимаемые с них подати и платежи они должны были сами непосредственно посылать в царское казначейство. Правителю же Мидии и Нахичевана был дан приказ признать эти селения неподвластными их ведомству и не осуществлять впредь сбор налогов в этих селах. Этот приказ не имел силы в последующем. После смерти Аббаса их стали притеснять с еще большей силой, "*сбирая три или четыре раза те подати, которые, согласно приведенному выше постановлению, жители должны были сами непосредственно внести в царское казначейство*"³⁰.

²⁷ Sanson 1695, 187.

²⁸ La vie de messire François Picquet 1732, 399.

²⁹ Tavernier 1713, 54.

³⁰ Шарден 1901, 298-299.

По мнению путешественников, армян-католиков взяли под свою защиту не только Римский Папа и государи Европы, но и сам Бог. Так, де Гувеа убежден, что жители сел, в которых исповедовали католичество, несмотря на *"притеснения и разбой со стороны персов, остались в своих домах и в своей стране, и не были принуждены сменить место жительства в отличие от большинства [христиан] схизматиков"*, ибо сам Бог *"охраняет эту духовную паству в течение столь длительного времени от таких многочисленных врагов веры [католической], как турки и армяне-схизматики"*³¹. Как бы в продолжение рассуждений де Гувеа, Де ла Круа пишет, что число католиков армян было бы значительно больше, если бы не гонения на них со стороны *"патриарха схизматика"*. Омусульманивание армян Александр де Род связывает с незнанием армянами латинских обрядовых традиций (*"эти несчастные армяне, среди которых господствует неведение относительно наших таинств, с легкостью отрекаются от Иисуса Христа"*)³².

Наряду с констатацией факта насильственного обращения армян в ислам, многие путешественники отмечают, что армяне, вопреки гонениям со стороны магометан, всегда остаются непреклонными в отстаивании своей веры. Тавернье посвящает этому вопросу целую главу³³. Виллот воздает хвалу твердости армян в сохранении своей веры: *"Армяне ...всегда были тверды в христианской и даже в католической вере. Кровь многочисленных мучеников, пролитая по всей Армении за преданность и любовь к Иисусу Христу, требовала отпущения и наделила этот народ непоколебимой убежденностью в истинности веры своих отцов"*³⁴. *"Отрадно было видеть праведных, – читаем в "Житии Франсуа Пике", – которые, благословляя Господа, говорили: "Это поле, этот дом принадлежали мне или моему отцу; магометане их у меня отобрали; я беден, но благодаря нашему Гос-поду Иисусу Христу я сохранил веру, которая ценнее всех богатств мира"*³⁵. В этом же "Житии..." приводится небезынттересная информация относительно жителей Акулиса, которые *"в случае, если*

³¹ António de Gouveia 1646, 374.

³² Alexandre de Rhodes 1653, 71.

³³ Tavernier 1676, 457.

³⁴ Villotte 1730, 533.

³⁵ La vie de messire François Picquet 1732, 398-400.

кто-нибудь, не приведи Господи, отрекался от веры, его изгоняли из города..."³⁶.

Если рассматривать географический образ как совокупность символов и архетипов, то, пожалуй, константной и вместе с тем доминантной ипостасью Нахичевана и области является образ разрушенного и обновленного края, при этом зачастую город Нахичеван представлял край в целом. Этот образ укреплялся столетиями и не мог не быть обозначенным европейцами. Дихотомия "Нахичеван сейчас – Нахичеван в прошлом" – такова парадигма этого образа. Разрушения были перманентными. Захват территории сопровождался разорением и искоренением исторически сформировавшегося культурного слоя.

Рубрук, посетивший Нахичеван после разгрома его монголами, пишет, что он *"прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но татары обратили его почти в пустыню. Прежде в нем было восемьдесят армянских церквей (octigente ecclesie Hermenorum), а теперь только две маленьких, а остальные разрушили сарацины"*³⁷. Вслед за ним Роджер Бэкон, дублируя рубрукский текст, отмечает, что Нахичеван *"некогда был большим [городом], до того, как татары его разрушили. И было в нем восемьдесят армянских церквей; когда же брат Гильом здесь проходил, тут остались лишь две многострадальные..."*³⁸.

В 1339–1340 годах иранский историк Хамдаллах Казвини застал город ещё довольно процветающим (*"Это прекрасное место, именуемое "картиной мира"..."*³⁹). Османский путешественник Эвлия Челеби, воссоздавая историю завоевания Нахичевана, пишет, что *"монгольское племя, соблазнившись, прибыло сюда с многочисленным войском, уничтожило красоту этого города, украшения вселенной, разрушило и разгромило его крепость, сровняв ее с землей. Далее, при Мехмед-хане III, когда этот город находился в руках османов, беспутный шах направил сюда Зульфикар-хана, который и захватил его. Позднее войска Мурад-хана IV во главе с Мехмед-пашой завоевали эту местность"*⁴⁰. Нахичеван – *"столица царства", "отличный*

³⁶ La vie de messire François Picquet 1732, 406.

³⁷ Рубрук 1957, 188.

³⁸ Roger Bacon 1996, 1.

³⁹ Казвини 1983, 51.

⁴⁰ Эвлия Челеби 1983, 114.

город" (Ньюбери), "город, почти весь населенный армянами" (де Гувеа), "старейший город мира" (Карери), особо пострадал в пору шах-аббасовских завоеваний. "Главные города – Ереван, Нахичеван, Шарур и Акулис, – пишет де Гувеа, – были разграблены и опустошены, Шах сокрушил города Нахичеван и Джульфа, а жителей погнал в Исфган"⁴¹. Судя по тексту "Жития Франсуа Пике", Нахичеван "был некогда значительным, однако его полностью разрушил Шах-Аббас"⁴². Отец Филипп отмечает, что "город Нахичеван почти полностью разрушен; вот почему архиепископ ныне пребывает в Abraner-e"⁴³. В пору пребывания Шардена в Нахичеване это был "большой разрушенный город; его, скорее, можно назвать грудой развалин, постепенно восстанавливаемых и заселяемых". Согласно записям Виллота, "город Нахичеван известен древним персам под названием Нахиана, пришел с тех пор в упадок, здесь было, если верить жителям страны, до сорока тысяч домов, сейчас же можно видеть одни руины"⁴⁴. Таким видится Нахичеван на протяжении нескольких веков европейскими путешественниками. По прошествии времени В. Потто, оглядываясь на прошлое и оценивая настоящее Нахичевана, заключает: "со II-го века городъ переходит уже изъ рукъ въ руки и принадлежит то армянамъ, то персиянамъ, то туркамъ. Сколько разъ онъ былъ разрушенъ и жители его истребляемы поголовно. Но городъ возникалъ из развалинъ съ прежнимъ блескомъ, и населеніе его не уменьшалось"⁴⁵.

Среди городов Нахичевана особого внимания удостоилась Старая Джульфа (Джуга). Начиная с XVII века почти все без исключения путешественники касались трагической судьбы этого некогда процветающего города, ставшего жертвой политики Шах-Аббаса, который "разрушил Джульфу со всеми ее фортами и укреплениями" (Шарден)⁴⁶, "превратил город в пустыню"⁴⁷ (де Род), по тому, что осталось от него, "трудно догадаться о его былой красоте: камни беспорядочно навалены друг на друга, строения скорее напоминали погреб, чем

⁴¹ Antonio de Gouveia 1646, 266, 347.

⁴² La vie de messire François Picquet 1732, 381.

⁴³ Père Philippe de la Très Sainte Trinité 1652, 91.

⁴⁴ Villotte 1730, 192.

⁴⁵ Потто 1888, 341.

⁴⁶ Chardin 1711, 308.

⁴⁷ Alexandre de Rhodes 1653, 63.

дома"⁴⁸ (Тавернье), вокруг же Джульфы "разбросаны наполовину разрушенные, наполовину закопанные в землю, наполовину смытые дождями, наполовину унесенные потоком жилища. Из живых существ остался лишь ужасный джюльфинский черный скорпион"⁴⁹ (Дюбуа де Монперё). Обо всем сказанном свидетельствует "расположенный на вершине горы большой четырехугольный столп из белого камня, с надписью, гласящей, что это великий Шах-Аббас разрушил город и вывел оттуда всех жителей"⁵⁰ (Поль Лука).

Под разрушением Нахичевана и области подразумевались как захват и разгром городов, сел, караванных путей, мостов, так и уничтожение культурно-исторического наследия страны. Уничтожались не только объекты культурного наследия христианского народа, но и народов, исповедовавших различные течения мусульманской религии. Так, Тавернье отмечал, что Нахичеван «полностью разрушен армией султана Амурата (Мурад IV-Г.К.). Здесь можно увидеть развалины великолепных мечетей, разрушенных турками, поскольку последователи Магомета не желают входить в мечети последователей Али... Турки и персы разрушали их попеременно, в зависимости от исхода войн"⁵¹.

Путешественников в первую очередь интересовало состояние христианских памятников. Нахичеван был краем церквей. Церкви, как и край, уничтожались и отстраивались заново. Путешественники были живыми свидетелями имевших место на протяжении нескольких столетий бедствий и злодеяний. Рубрук, как уже было сказано, отметил, что из восьмидесяти церквей Нахичевана остались лишь две, которые Бекон охарактеризовал как "многострадальные". Судьба области не могла не отразиться на судьбе "многострадальных" церквей, которые по обыкновению перестраивались в мечети. Так, по сообщению В. Григорьева, одна из мечетей Ордубада "переделана из Армянской церкви", и что "теперь весьма немногие из них [церквей], только в селениях старожилых армян, остаются целыми; другие большей частью обвалились или служили у татар зимовниками для скота"⁵². Повсеместно церкви "осквернялись и превращались в конюшни, а иконы

⁴⁸ Tavernier 1713, 63.

⁴⁹ Dubois de Montpéreux 1840, 26.

⁵⁰ Voyage du Sieur Paul Lucas 1704, 23.

⁵¹ Tavernier 1713, 53.

⁵² Григорьев 1833, 82, 194.

истреблялись и предавались огню"⁵³ (де Гувей). Порой здания церквей разбирались и использовались как строительный материал для дворцов и мечетей. Согласно тексту "Путешествия по Персии..." Морьера, купол бани дворца Шехель Сотун Аббаса II, в Исфахане, поддерживали колонны из церквей Джуги. Для строительства новых сооружений использовали даже надгробные камни. При возведении крепости Аббас-Абад *"Эскарп и контр-эскарп были выложены почти одними надгробными камнями, взятыми с находившегося вблизи древнего кладбища"*⁵⁴. Видели они также разрушенные кладбища армян с поваленными надгробьями. В достоверности этой информации невозможно усомниться. Сознательное искажение или умалчивание этих сведений есть не что иное, как дезинформация, как ложь, а *"прямая ложь, как таковая – тоже своего рода свидетельство"*⁵⁵.

Прошли столетия. Область продолжала переживать взлеты и падения. Но то, что произошло в XX и XXI столетиях, не могло присниться путешественникам XIII-XVII вв. даже в страшном сне. Могли ли они предположить, что будет искоренено не только армянское население области, но и будут уничтожены памятники культурного наследия, а также могилы многих миссионеров и их *"апостола"* Варфоломея Болонского.

Говоря об израильском народе, Ян Ассман заметил, что *"Израиль создал и сохранял себя как народ под императивом "Храни и помни"*⁵⁶. К сожалению армянскому народу не позволили сохранить свое культурное наследие на земле своих предков. Однако никто не отменял память. Только у того народа есть будущее, который может хранить память о прошлом. Прошлое же Нахичевана увековечено также благодаря травелогам европейских путешественников.

Эвлия Челеби, говоря об истории перманентных войн и завоеваний Нахичевана, заключает: *"В сущности, все [везде] разрушается, и это действительно так, потому что согласно извечному порядку, «все сущее смертно"*⁵⁷. Так что, исходя из мудрого умозаключения историка, история Нахичевана не заканчивается сегодняшним днем.

⁵³ Antonio de Gouveia 1646, 348.

⁵⁴ Григорьев 1833, 72.

⁵⁵ Блок 1986, 54.

⁵⁶ Ассман 2004, 30.

⁵⁷ Эвлия Челеби 1983, 114.

Заключение

Европейский взгляд на Нахичеван позволяет не только дополнить сведения, содержащиеся в армянской и восточной историко-географической литературе, но и по-новому осмыслить некоторые реалии Нахичеванского мира.

Литература

- Ассман Я. 2004, Культурная память..., Москва, Языки славянской культуры, 368 с.
- Барт Р. 1989, Избранные работы, Москва, "Прогресс", 616 с.
- Блок Марк 1986, Апология истории, Москва, "Наука", 254 с.
- Ганалаян А. 1979, Армянские предания, Ереван, изд. АН АрмССР, 355 с.
- Григорьев В. 1833, Статистическое описание Нахичеванской провинции, СПб., "Типография департамента внешней торговли", 264 с.
- Джиованни дель Плано Карпини 1957, История монголов. Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, под ред. Н.П. Шастиной, пер. А.И. Малеина, Москва, "Гос. изд. географической литературы", 270 с.
- Замятин Д.Н. 2000, Образ страны: структура и динамика, Общественные науки и современность, Москва, № 1, с. 107-112.
- Потто В.А. 1888, Кавказская война, т. 3, Персидская война 1826-1828 г., вып. III (2-е изд.), т. 3, СПб., "Тип. Тренке и Фюсно", 748 с.
- Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. 1902, пер. Е.В. Бахутовой и Д.П. Носовича, Скоропечатня М. Мартиросянца, Тифлис, 301 с.
- Сидорская И.В. 2015, Образ или имидж страны, Псковский государственный университет, с. 68-88.
- Хамдаллах Казвини 1983, Услада сердец, пер. Буниятова З.М., Петрушевского И.П., Баку, изд. "Элм", 83 с.
- Челеби, Эвлия 1983, Книга путешествия, вып. 3, Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана, Москва, "Наука", 26 с.
- Alexandre de Rhodes 1653, Divers voyages et missions du P. Alexandre de Rhodes en la Chine et autres royaumes de l'Orient, avec son retour en Europe par la Perse et l'Arménie..., Paris, Julien, Lanier et G^e, 448 p.
- Anthelmy, Charles-Léonce 1732, La vie de messire François Picquet..., Paris, Chez la Veuve Mergé, 551 p.
- Belanger, Charles 1838, Voyages aux Indes orientales par le nord de l'Europe, les provinces du Caucase, la Géorgie, l'Arménie et la Perse..., Paris, t. 2, Arthus Bertrand, 492 p.
- Dubois de Montpéreux, Frédéric 1840, Voyage autour du Caucase, Paris, t. IV, Librairie de Gide, 562 p.
- García de Silva y Figueroa 1667, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse, Paris, L. Billain, 505 p.

- Lucas, Paul, 1704, Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, Paris, Guillaume Vandive, 264 p.
- Oustley, William 1823, Travels in Various Countries of the East, vol. 3, London, Rodwell and Martin, 600 p.
- Pfeiffer, Ida 2006, A Woman's Journey Round the World, by Ida Pfeiffer, Length, Echo Library, 497 p.
- Roger Bacon, Operis majoris, pars quarta, Mathematicae in divinis utilitas, Translation Copyright 1996 by Herbert M. Howep, p. 163-364.
- Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas... par le père P. Fr. Anthoine de de Gouvea, 1646, livre 3, Rouen..., Chez Nicolas Loyselet, 546 p.
- Sanson 1695, Voyage, ou rélation de l'état present du royaume de Perse, Paris, chez la Veuve Mabre Cramoisy, 259 p.
- Tavernier, Jean-Baptiste 1713, Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier, t. 1, Paris, chez Ribou, 504 p.
- Tournefort, Pitton de 1718, Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort., Amsterdam, 208 p.
- Vincenzo degli Alessandri 1844, – in: Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, raccolte, annotate, ed edite da Eugenio Albèri, vol. II, Firenze, Tipografia all'insegna di clio, 470 p.
- Viaggio d'un Mercante 1559, –in: Secondo volume delle navigationi et viag-ginella, Venetia, Stamperia de Givnti, 255 p.
- Villotte, Jacques 1730, Voyage d'un missionnaire de la compagnie de Jésus en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie en en Barbarie, Paris, chez Jacques Vincent, 647 p.
- Voyage d'Orient du R.P. Philippe de la Très Sainte Trinité, carme déchaussé 1652, Lyon, chez Antoine Ivllieron, 592 p.

ՆԱԽԻՋԵՎԱՆԸ XIII-XVII ԴԴ. ԵՎՐՈՊԱՑԻ ՃԱՆԱՊԱՐՀՈՐԴՆԵՐԻ ԳՐԱՌՈՒՄՆԵՐՈՒՄ

Գոհար Կարազյոզյան

Նախիջևանի կերպարի շարժընթացի և կառուցվածքի ուսումնասիրության նպատակով քննության ենք ենթարկել XIII-XVII դդ. եվրոպացի ճանապարհորդների գրառումները, որոնք երկրի ու ժողովրդի մասին պատմական-գրական հարուստ նյութ են պարունակում և Հայաստանի վերաբերյալ տեղեկությունների կարևոր աղբյուր են: Եթե ժամանակագրական կարգով քննենք Նախիջևանի մարզի կերպարը՝ համաձայն եվրոպացիների ընկալումների, ապա յուրաքանչյուր դարաշրջան, պատմաաշխարհագրական և առասպելաբանական բնույթի խորհրդանիշների հետ միաժամանակ, ստեղծում էր իր որոշակի

երկրամշակութային կերպարները՝ Երնջակ անառիկ ամրոցը, Շահ Աբասի կառավարման շրջանում Նախիջևանի գրավված տարածքներն ու քաղաքները, հայ վտարված բնակչության ճակատագիրը, Ջուղան. անցյալը և ներկան, Ջուղայի գերեզմանոցը, Աստապատը և այլն: Այդ կերպարները, ամբողջության մեջ երկրամշակութային տարածք ստեղծելով, որպես Նախիջևան հայկական աշխարհի իմաստավորման ու կազմավորման արդյունք, տարբեր դարաշրջաններում անդրադարձ գտան եվրոպացիների մեկնաբանություններում: Սակայն պատմական տարբեր ժամանակաշրջաններում, դրանց հետ միասին, շրջանառվում էին կրկնվող կայուն մոտիվներ ու կերպարներ, որոնք իրենց մեջ ամփոփում էին կուտակված բազմաթիվ մշակութային իմաստներ. Նախիջևանը՝ որպես «առաջին բնակավայր», Նախիջևանի մարզի հայ կաթոլիկների գյուղերն ու եկեղեցիները, երկրամասի ավերածություններն ու վերականգնումը և այլն: Նախիջևանի նկատմամբ եվրոպացիների հայացքը թույլ է տալիս ոչ միայն լրացնել հայ և արևելյան պատմաաշխարհագրական գրականության մեջ ամփոփված տեղեկությունները, այլև նորովի իմաստավորել Նախիջևան աշխարհի որոշ իրականություններ:

Բանալի բառեր՝ Նախիջևան, ճանապարհորդների գրառումներ, կերպար, իրականություններ, երկրամշակութային տարածք, սրբազան տարածք, կերպարաբանություն:

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII-XVII ВВ.

Гоар Карагезян

С целью исследования динамики и структуры образа Нахичевана были рассмотрены записки европейских путешественников XIII–XVII веков, содержащие богатый историко-литературный материал по стране и народу и являющиеся важным источником сведений по Армении. Если рассматривать образ Нахичеванской области в восприятии европейцев в хронологическом порядке, то каждая эпоха, наряду с ключевыми символами историко-географического и мифологического характера, продуцировала свои определенные геокультурные образы: неприступная крепость Ернджак; завоеванные территории и города Нахичевана периода правления Шах-Аббаса; участь выдворенного армянского населения; Джульфа – прошлое и настоящее; джульфинское кладбище; Астапат и др. Эти образы, создающие в совокупности геокультурное пространство, были отражением интерпретации европейцами в разные эпохи Нахичеванского армянского мира, продуктом его осмысления и конструирования. Однако наряду с ними в разные исторические периоды циркулировали повторяющиеся ус-

тойчивые мотивы и образы, которые заключали в себе множество накопленных культурных смыслов: *Нахичеван* как "первое поселение", села и церкви армянских католиков Нахичеванской области, разрушение и обновление края и т.д. Европейский взгляд на Нахичеван позволяет не только дополнить сведения, заключенные в армянской и восточной историко-географической литературе, но и по-новому осмыслить некоторые реалии Нахичеванского мира.

Ключевые слова – Нахичеван, записки путешественников, образ, реалии, геокультурное пространство, сакральное пространство, имагология.

NAKHICHEVAN IN THE NOTES OF THE 13th-17th CENTURY EUROPEAN TRAVELLERS

Gohar Karagezyan

To study the structure and dynamics of the image of Nakhichevan, notes by European travellers of the 13th-17th centuries have been examined, which contain rich historical and literary material on the country and the people and are an important source of information on Armenia. If the image of the Nakhichevan region is examined as perceived by the Europeans in the chronological order, it can be stated that each epoch, along with the key symbols of historical, geographical and mythological nature, produced its specific geo-cultural images: *the impregnable fortress Yernjak; the conquered territories and cities of the Nakhichevan region under Shah Abbas; the fate of the expelled Armenian population; Julfa – the past and the present; the Julfa cemetery; Astapat and others. These images, which on the whole create a geo-cultural space, reflected the interpretations of the Europeans in different epochs of the Nakhichevan Armenian world and were a product of its understanding and constructing.* However, along with them, in different historical periods, recurring motives and images circulated, which incorporated a lot of accumulated cultural meanings of the text: *Nakhichevan*, as the "first settlement", villages and churches of the Armenian Catholics of the Nakhchivan region, destruction and renewal of the region, etc. The European view of Nakhichevan allows not only to supplement the information found in the Armenian and Eastern historical-geographical literature, but also to perceive some realities of the Nakhchivan in a new way.

Key words – Nakhichevan, notes by European travellers, image, realities, geo-cultural space, sacral space, imagology.